

МИКРОИСТОРИЯ

*Hans Medick. Mikro-Historie. Publikation vorgesehen in:
W.Schulze (ed.). Was Kommt nach der Alltagsgeschichte?
Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1994.*

© Hans Medick, 1993
Перевод Т.И.Дудниковой

"Microstoria ne veut pas dire regarder des petites choses, mais regarder petit". "Микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях". Начав с этого дискуссионного замечания итальянского историка Джованни Леви, сделанного в Базеле в 1990 г.,¹ попытаемся дать представление об экспериментальных перспективах нового направления социальной, культурной и экономической истории, которое с конца 70-х годов, прежде всего в Италии, но также и в других европейских странах и в Америке называют "микроисторией". Представители последней видят в ней плодотворный импульс для дальнейшего развития социальной истории в 90-е годы.

Микроистория – сестра истории быта, но кое в чем она идет своим путем, а именно: когда вырабатывает собственные методы, когда, следуя своим методическим посылкам, пересматривает и реконструирует категории классической социальной истории, когда, наконец, ратует за полифоническое многообразие масштабов и способов изложения эмпирического материала, будь то на уровне макроистории, или "глобальной истории".

Само слово "микроистория" – на что обратил внимание один из ее основателей, Карло Гинзбург (Ginzburg, 1993), – в Европе впервые употребил Фернан Бродель. Правда, Нестор школы Анналов использовал это слово в 1960 г. отнюдь не в положительном смысле, не для того, чтобы помочь пробиться новому направлению социальной истории, а скорее мимоходом и неодобрительно. Для него "микроистория" была синонимом истории эфемерных событий, тех явлений на поверхности исторического процесса, которые при исследовании более длительных процессов и глубинных конъюнктурных и структурных слоев оказываются на последнем по значению месте: "История расплодилась на разных уровнях; сильно упрощая (не связывая себя слишком буквальным пониманием), скажем – на трех. В принципе следовало бы учитывать десять или сто уровней, десять или сто различных вариантов длительности. На поверхности мы сталкиваемся с историей событий, заключенных в сжатых пределах времени: это – микроистория; на средней глубине мы имеем дело с конъюнктурной историей, которая подчиняется более медленному ритму и до сего дня изучается прежде всего на основе материальной жизни и экономиче-

¹ Мне оно было передано Альбертом Шнидер-Бургхартцем; см. также его книгу (Schnyder-Burghartz, 1992), подборку цитат там же, S.13.

ских циклов... И за этим "речитативом" конъюнктуры мы можем слышать, наконец, гул структурной истории, истории длительной, которая охватывает целые столетия и располагается на границе подвижного и неподвижного. Благодаря своим столь долго остающимся неизменными ценностям она является для других, быстрее текущих и завершающихся историй своего рода покоящейся осью вращения" (Braudel, 1992 [1969], S.113).

Однако в приобретении данным термином прав гражданства в профессиональном языке важную роль сыграло не это, скорее случайное, использование его историком, а в гораздо большей степени – появление слова "микроистория" в широко известном романе французского критика Раймона Кено "Синие цветы" (Queneau, 1985 [1965]). Кажется, только в литературном контексте и благодаря заостренному негативно-ироническому оттенку, который имело это слово в романе, оно смогло заслужить внимание и признание историков, прежде всего в Италии, свободно сменивших, однако, негативный акцент на положительный. Кено также проводит, подобно Броделю, иерархическое противопоставление микро- и макроистории, но уже с измененным, радикализированным наполнением, сравнивая события с точки зрения их исторического значения и декларируя ироническое отношение к микроистории как к низшему и самому незначительному варианту истории. Она не только оказывается гораздо ниже "мировой истории" или "всеобщей истории", но и – что особенно примечательно для француза и знатока исторической школы Анналов, каким был Кено, – даже ниже "истории событий". Именно об этом шла речь в диалоге, который вел в "Синих цветах" герцог д'Ож со своим капелланом:

"Герцог д'Ож потирал руки и вообще проявлял все признаки житейшего удовлетворения прошедшим днем, как вдруг лицо его приняло озабоченное выражение.

– А мировая история, о которой я уже давно тебя спрашивал, – я все еще жду твоего ответа.

– Что именно вы хотели бы, собственно, знать?

– Как ты смотришь на мировую историю вообще и на всеобщую историю в частности. Я слушаю.

– Я очень устал, – сказал капеллан.

– После отдохнешь. Скажи, принадлежит ли этот базельский церковный собор мировой истории?

– Да-да. Мировой истории в целом.

– А мои малые пушки?

– Всеобщей истории в частности.

– А свадьба моей дочери?

– Едва ли даже и к истории событий. В лучшем случае к микроистории.

– К чему? – рявкнул герцог д'Ож. – Что это, к черту, за язык?" (Queneau, 1985, S.73).

С 1965 г. значение и смысл понятия "микроистория" изменились и совершенно освободились от негативного и конкретного образа мелкого, не стоящего внимания, как бы частного остатка "большой" истории. Сам предмет развился или даже вообще впервые конституировался, выработав собственный метод исторического исследования. С конца 70-х годов в первую очередь в Италии, но также и в США, во Франции

и в Федеративной Республике микроистория, прежде иронически отождествляемая с "жалкими остатками" истории, превращается в новый способ исследования и познания, открывающий возможность проникнуть в неисследованные области социальной истории (см. Medick, 1994a).

Возникновению этого нового направления исторических исследований одновременно способствовали многие моменты, и сегодня не легко отделить их друг от друга и определить важность воздействия каждого. Для некоторых историков стимулом стало "изменение опыта", накопленного современниками, но в конечном счете решающую роль сыграла "смена метода"². Для этой микроисторической "смены метода" толчком, несомненно, тоже послужило "изменение опыта" современников, однако дело нельзя свести только к нему. Собственная динамика внутринаучных противоречий и событий, как, например, широкие интеллектуальные дебаты по проблемам гуманитарных наук и особенно вызов, брошенный социальной истории этнологией и культурно-антропологическими исследованиями (см. Medick, 1984), также явились конституирующими факторами. Когда Карло Гинзбург и Карло Пони в одном из текстов, положивших начало систематическим размышлениям о микроистории, писали о наличии "достаточных оснований" для утверждения, что "большой успех микроисторических реконструкций находится во взаимосвязи с возникающими сомнениями по поводу известных макроисторических процессов" (Ginzburg und Poni, 1985), они ссылались на перемену в опыте современников. Христиан Майер описывает эту взаимосвязь подобным же образом, но более точно, усматривая причины возникновения интереса к микроистории в "определенном общественном и политическом опыте современности и недавнего прошлого", следствием которого он считает "ослабление" "идентификации с более крупными общностями, будь то нация или государство, крупные партии, профсоюзы или прогрессистские движения" (Meier, 1990, S.120, 122). Это привело также к "утрате эффективности определенных подходов к макроистории" (ibid.) и в результате породило интерес к микроистории, который, по мнению Майера, определяется открытием новых тем и сюжетов, интересом к преимущественно частным историческим "микромирам", или "малым жизненным мирам", тем самым "малым областям", в центре которых стоит отдельный человек. Будь то сомнения в идентификации с теорией прогресса, отказ от эволюционного понимания истории или критика глобально-исторической евроцентристской точки зрения – эти возникающие в результате современного "изменения опыта" сомнения в существовавших до сих пор историко-философских и социально-теоретических интерпретациях связывались и связываются с возникновением микроистории. Несомненно, что они были важны как причинные факторы, но их особое воздействие вполне можно усмотреть в том, что в недрах самой науки они внедряют новые методы и развивают собственную линию исследований. Тем самым микроистория да-

² К вопросу о взаимозависимости "изменения опыта" и "смены метода", а также, возможно, других рассматриваемых здесь взаимосвязей см. Koselleck, 1988.

ет гораздо больше, чем просто импульс к переосмыслению опыта и обращению к мелкому и повседневному в истории³. Микроистория пытается найти выход в применении метода по ту сторону концепции макроисторической синтезирующей истории. При этом она ведет свои поиски не вторгаясь на территорию, где историческое исследование, истолкование и изложение осуществляется в духе постмодернистской "фрагментализации" и отмежевания от идеи глобальной взаимозависимости и единства смысла.

Именно это имел в виду Джованни Леви в 1990 г., совершенно серьезно говоря о том, что для микроистории речь в первую очередь идет не о разглядывании мелочей, а об изучении объекта с помощью микроскопа. Во всяком случае, его определение не имеет ничего общего со скептицизмом Юргена Кокки, который предостерегал от "склонности к микроисторической мелочишке" в истории быта (Коска, 1989, S.43). Позиция Леви вообще не вписывается в немецкую историческую традицию, которая с XIX в. развивалась под знаком критики микроизмерений и микроперспектив. Границы этой традиции простираются от критики Генрихом фон Трайчке "безыдейной микрологии" в истории (Treitschke, 1903, S.721) вплоть до новейшей критики мнимой неспособности истории быта к теоретическим обобщениям. Неспособности, приписываемой ей в силу того, что она занимается "мелкими" историческими предметами, а не "крупными", к которым относятся вопросы структуры общества и политической истории в целом. При таком подходе происходит смешение масштаба предмета познания с масштабом перспективы познания. Заодно с мелким объектом исследования здесь критикуются – скорее бессознательно, чем осознанно, – и методы рассмотрения в малых масштабах, и именно на том основании, что они ничего не внесли в изучение крупных, широкомасштабных и "центральных" исторических процессов, таких, как индустриализация, модернизация, формирование государств и наций нового времени. Однако именно эту иерархию как объектов исторического исследования, так и задач исторического познания микроистория поставила под вопрос. Ее характеризует – и это имел в виду Леви в приведенной нами цитате – в первую очередь не микроизмерения и не мизерность изучаемых предметов. Специфические возможности познания в микроистории гораздо больше определяются ее способностью к сужению поля наблюдения и изучению его с помощью микроскопа. "Историки не проводят исследования деревень, они проводят исследования в деревнях", – как сказал Леви, перефразируя Клиффорда Герца⁴. Таким образом он дал понять, что исторические реконструк-

³ О примате динамики внутринаучных противоречий и развития в возникновении микроисторических взглядов см. интересную интерпретацию В.Шульце (Schulze, 1988).

⁴ См. Levi, 1991. Леви ссылается на следующую формулировку К.Герца: "Место исследования не есть предмет исследования. Этнологи исследуют не деревни (племена, города, районы...), они исследуют в деревнях". В другом месте Герц, впрочем, предлагает эту формулировку в таком контексте, в котором он характеризует микроскопическую точку зрения как существенный

ции и интерпретации, осуществленные благодаря концентрации на ограниченном поле наблюдения, будь то деревня, часть города, социальная группа или даже один или несколько индивидов, позволят качественное расширение возможностей исторического познания. Важнейшее достижение в области социально-исторического познания, полученное с помощью методов микроистории, заключается в том, что именно благодаря максимально многостороннему и точному освещению исторических особенностей и частных, характерных для общности индивидов исследуемого района, взаимосвязь культурных, социальных, экономических и политико-властных моментов раскрывается как взаимозависимость всех объектов исторического бытия. Вероятно, для решения подобной задачи должна быть разработана специфическая методика сопряжения данных и источников, отличающаяся от методов обычной местной и региональной истории. Вместо того чтобы оперировать категориями макроисторических субстанций (семья, индивид, государство, индустриализация), микроисторические исследования осуществляют экспериментальное изучение сети социальных отношений и типов поведения, конечно, никогда не замыкающееся только на них самих, а всегда учитывающее также общественные, экономические, культурные и политические условия и отношения, которые действуют и выражаются через них и даже вопреки им. Таким образом открывается возможность нового взгляда на становление исторических структур, а также на кратко- и среднесрочные исторические процессы.

Мои собственные исследования на тему "жизни и выживания" (Medick, 1994b) в протоиндустриальном сельском местечке на плоскогорье швабской Юры с XVII по XIX в. прошли путь проблемно ориентированной "истории целого в подробностях". На основе развернутой реконструкции деталей и совокупности источников данных о местном обществе была разработана система исследования и изложения, которая позволила избежать исчезновения конкретных прожитых жизней в "среднестатистическом" источнике и при этом, однако, полностью использовать преимущества серийно-статистического анализа, в том числе и в рассуждениях по более широкому проблемам. В свете классической социальной истории полученные результаты могли бы рассматриваться скорее как парадоксальные и непоказательные. Они свидетельствуют о проявлении религиозного менталитета и культуры труда, которые в облачении вюртембергского пиетизма очень близки к тому, что Макс Вебер обозначил как "протестантскую этику", однако они едва ли соответствуют идеальному типу взаимосвязи "протестантской этики" и "духа капитализма". Исследованию были подвергнуты религиозные представления отдельных людей и групп в этой местности и влияние этих представлений на трудовой быт, материальную культуру и отношения собственности. Как оказалось, следствия этого местного варианта "протестантской этики" полностью сводились к

признак "уплотненного" этнографического описания, которое "характерным образом сближается с всеобъемлющей интерпретацией и абстрактным анализом благодаря очень интенсивному изучению исключительно мелких явлений" (Geertz, 1983, S.30).

"прилежному отношению к труду" и "протоиндустрии". Но они не создали ни "капиталистического духа", ни протокапиталистических структур. Становится ясно, что отношения мелкой и мельчайшей собственности в этой местности, и прежде всего процесс постоянного дележа наследства между родственниками и детьми, четко определяли местный вариант развития протестантской этики и ее секуляризированной формы выражения: швабский менталитет, сводившийся к формуле "трудись, трудись, строй домок". Но столь же понятным становится и то, что религиозные установки вюртембергского пиетизма, в свою очередь, "освящали" определенную трудовую этику, которая была тесно связана с социальными и экономическими структурами мелкой собственности. Пиетистская набожность, швабское трудолюбие и привязанность к мелкой собственности образовали характерный синтез, наложивший глубокий отпечаток на местный образ жизни. Напряжение и тяготы труда определяли в этой местности жизнь и смерть, вплоть до уровня смертности младенцев и детей, которые здесь гораздо чаще становились жертвами взглядов и отношений своих родителей, чем в других областях средней Европы. Женщины и мужчины в Швабии хотя и не вели дело целенаправленно к смерти своих детей, но и не особенно препятствовали тому, чтобы значительная их часть умирала в младенческом и раннем детском возрасте (уровень смертности в первый год жизни с XVIII и до второй половины XIX в. постоянно составлял от 35 до 50 процентов), чтобы иметь возможность самим выживать и работать в условиях мелкой, распыленной собственности. Вступление на тяжкий, исполненный страданий, напряжения и труда "узкий путь" в царство небесное, и что еще важнее – *стойкое следование* этим путем рассматривалось как знак благочестия, но не как предпринимательский экономический успех. Этот лайхингенский вариант протестантской этики во всяком случае не только не способствовал утверждению "духа капитализма", но и вплоть до конца XIX в. препятствовал укреплению капиталистических структур, с их столь высоко развитым ремесленным производством.

Если рассматривать этот пример в глобальной европейской или даже только центральноевропейской перспективе, то он будет выглядеть как непоказательный, как исключение. Однако для своего региона и общества – региона и общества старовюртембергского *ancien regime* – пример Лайхингена выступает скорее как значимая "особенность" или как "нормальное исключение", если принять термин, который Эдуардо Гренди сознательно построил как оксюморон* с учетом специфических достижений и подходов исторического микроанализа⁵. Рассмотренный

* Оксюморон (греч.) – остроумно-глупое. Стилистический оборот, в котором сочетаются семантически контрастные слова, создающие неожиданное смысловое единство. – *Прим. ред.*

⁵ Ср. Grendi, 1977, в особенности p.512: "Знаменательно, что историк всегда работает не с непосредственными свидетельствами. При таком положении вещей может получиться так, что экстраординарный документ (или необычный источник) приведет к экстраординарному "нормальному явлению", которое именно потому столь выразительно". Ср. также развернутую постановку проблемы у К.Гинзбурга и К.Пони: "Проблема состоит, таким образом, в том, чтобы из массы доступных данных выбрать выразительные и значительные Случаи. Но что такое «значительный»? Имеется в виду не только

здесь случай предстает как экстремальный пример исторически возможного, но одновременно и как пример нормального состояния общества, которое лишь с опозданием нашло свой путь к индустриальному массовому производству.

Этот пример микроаналитического исследования, как и многие другие, ему предшествовавшие (см. Ginzburg, 1990 [1979]; Levi, 1968; Cerutti, 1990; Sabeau, 1990), ставят вопрос о том, не препятствует ли макроисторический подход верной оценке "нормальных" исключений, подобных приведенным выше. То, что эти так называемые исключения для живших в определенной области или деревне людей означали норму, по большей части не принимается во внимание теми историками, которые сосредоточиваются в первую очередь на "больших" исторических процессах. В связи с этим встает и аналитический вопрос: в длительные и многослойные периоды перехода к современности не являлись ли исключения скорее правилами⁶ и не должна ли в связи с этим гипотеза о единообразном или даже едином историческом процессе модернизации быть последовательно демонтирована, а затем постепенно вновь реконструирована?

статистическая значимость. Ибо существует и то, что Э.Гренди назвал однажды «исключительной нормой». У этой формулировки по крайней мере два значения. Во-первых, она имеет в виду такие свидетельства, которые лишь кажутся исключительными. Стоун в свое время отметил как странное явление то, что отдельные группы из социальных низов, о которых иногда может быть собран большой объем информации, «суть меньшинства, которые по определению экстраординарны, поскольку состоят из индивидов, восстающих против форм поведения и религиозных представлений большинства». Анализ преступности до XIX в. (т.е. до появления профессиональных преступников в современном смысле слова) приводит, однако, к менее пессимистическим заключениям. А именно, на великом множестве судебных процессов рассматривались обвинения в совершенно обыденных и часто незначительных преступлениях – драках, мелких кражах и т.д., совершавшихся людьми, которые ничем исключительным вообще не отличались. Так что ни в коей мере не будет парадоксом утверждение, что в доиндустриальных обществах известные формы нарушения нормы сами составляют норму (де-факто, если не де-юре). Но «исключительная норма» может иметь и другое значение. Когда источники систематически замалчивают и/или искажают социальную реальность жизни низших классов, необычный (т.е. редкий статистический) документ может быть гораздо выразительнее, чем тысяча стереотипных источников. Как показал Томас Кун, маргинальные случаи ставят под вопрос старую парадигму и способствуют созданию новой, более адекватной и плодотворной. При этом они выступают в качестве признаков и примет скрытой реальности, которая не может быть понята в целом с помощью доступных источников. Несмотря на различие опыта и совершенно разные темы исследований, оба упомянутых автора придерживаются общего убеждения, что признаки, намеки и оговорки, нарушающие и дезорганизуящие механизм передачи источников, имеют решающее значение. Ибо с их помощью становятся достижимы более глубокие, невидимые уровни социальных правил игры, т. е. та история, которую люди «делают не по доброй воле». И здесь мы слышим эхо совершенно специфических, но во многом схожих учений Маркса и Фрейда" (Ginzburg und Poni, 1985, S.51).

⁶ По поводу исторического ландшафта Франции начала нового времени, особенно подробно и интенсивно изученного в региональных и локальных штудиях, Винфрид Шульце говорит, заимствуя выражение Робера Дарнтонна, именно о "заговоре исключений, стремящихся опровергнуть правила" (Schulze, 1988, S.328).

Таким образом формулируются вопросы, ответы на которые должны быть даны путем исторического сопоставления. Однако и метод сравнения, складывающийся как следствие микроисторических исследований, в этом случае должен быть специфическим. Его радиус действия и его границы до сих пор еще не определены. В этом заключается решающая задача и вызов, брошенный социальной истории 90-х годов. Его, выражаясь словами Натали Дэвис, можно определить как метод "децентрирующего сопоставления"⁷, непременно такого сопоставления, которое не проходит мимо единичных случаев, а всегда берет их за точку отсчета, начиная с которой следует ставить вопрос о подобии, общности и различиях исторических феноменов и их объяснении.

Во всяком случае приверженность к особенностям жизненных и бытовых деталей и к истории маленького и захолустного локального общества никоим образом не исключает выхода как на масштабные исторические взаимосвязи, так и на обсуждение общих исторических проблем. Напротив, она сообщает им новое качество. Более общие исторические толкования, связи между понятиями и содержание вопросов меняются, попав в поле микроисторического наблюдения. В то же время перспективы микроистории хотя и реальны, но ни в коей мере не безграничны. Их радиус действия обозначил один из ранних теоретиков микроистории. Году в 1966, примерно тогда же, когда Кено опубликовал свои "Синие цветы", и во всяком случае десятью годами раньше, чем микроистория как научное направление была "открыта" в Италии и других странах, он писал:

"Не все в исторической реальности можно рассмотреть под микроскопом. История в целом охватывает события и процессы, которые разыгрываются над уровнем микроизмерений. Поэтому исторические исследования на высших уровнях обобщения столь же существенны, как и изучение деталей. Но они страдают неполнотой, и если историк хочет восполнить пробелы "собственными представлениями и догадками", он должен исследовать также и мир мелких событий. Макроистория не может стать историей в идеальном смысле слова, так пусть же она влечет за собой микроисторию...

Чем выше уровень обобщения, на который восходит историк, тем более отвлеченной становится историческая реальность. То, что он сохраняет из прошлого, когда смотрит на него с большого расстояния, – это глобальные ситуации, долговременные процессы, идеологические тенденции и т.д. – крупные нагромождения событий, объем которых уменьшается или возрастает прямо пропорционально расстоянию... Мы узнаем о прошлом недостаточно, концентрируясь на макровеличинах... Чем больше удаление, тем труднее историку понимать исторические феномены, которые достаточно специфичны и бесспорно реальны" (Krasauer, 1971 [1968], S.115ff)⁸.

⁷ Дискуссионное замечание Натали Земон Дэвис на секции "Антропология, социальная история, культурная история" XVII Международного конгресса исторических наук, Мадрид, 1990.

⁸ Я благодарю Карло Гинзбурга, привлекшего мое внимание к произведению Кракауэра в 1992 г. Я, однако, не согласен с его представлением о Бенджамине, Адорно и Кракауэре как о протагонистах одной и той же идеи. См. об этом введение к моей работе (Medick, 1994b).

Тезис о "негомогенной структуре" "исторического универсума", который так пронизательно сформулировал Зигфрид Кракауэр в своем посмертно опубликованном труде "История. Предпоследнее", был выдвинут в защиту многообразия подходов в исторических исследованиях и описаниях. Кракауэр признавал за обоими крайними подходами к истории и, разумеется, за теми, которые находятся между ними, успехи в познании и право на реконструкцию "истории в целом", но он отмечал также свойственное каждому из них в соответствии с масштабом исследования соединение четкости и расплывчатости. Что же касается претензии исторической науки на синтез и создание общей картины, то ее он ограничивал частным и относительным, временным, но никоим образом не произвольным познанием реальности и исторического опыта. При этом он настаивал – и это было принципиально новым словом, очень актуальным для 90-х годов, – на необходимости микроисторического взгляда. Кракауэр как бы срывает гностический, утопический или метафизический покров "окончательного" со свойственного Уолтеру Бенджамину, Эрнсту Блоху и Теодору Адорно подчеркнутого и философски-созерцательно преувеличенного выдвижения на первый план частного, особенного и конкретного в истории. Взамен он вводит заинтересованного участника дискуссий XX столетия по вопросам культуры и науки в разумные рамки исторического поиска, исследования и изложения, в рамки "дисциплины", которая посвящает себя не "окончательным", а "предпоследним" ответам ("last things before the last") и отдает предпочтение "конструкции, опирающейся на исторический материал", перед закоснелостью и пошлостью поспешной или односторонней ориентации на "большую" теорию. Кракауэр таким образом предопределил направление микроисторического наблюдения, открытое для понимания широких исторических связей и теоретического осмысления и в то же время изменяющее, благодаря своим историческим "съемкам ближним и крупным планом", взгляд на историческое целое.

ЛИТЕРАТУРА

- Braudel F.** Geschichte und Soziologie. In: F.Braudel. Schriften zur Geschichte. Bd.1. Gesellschaften und Strukturen. Stuttgart, 1992, S.99–121. Франц. изд.: Braudel F. Ecrits sur l'histoire. 1969.
- Geertz Cl.** Dichte Beschreibung. Bemerkungen zu einer deutenden Theorie von Kultur. In: Cl.Geertz. Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt a.M., 1983, S.7–43.
- Cerutti S.** La ville et ses mytiers. Naissance d'un langage corporatif (Turin 17-e et 18-e siècles). Paris, 1990.
- Ginzburg C.** Die Käse und die Würmer. Die Welt eines Müllers um 1600. Berlin, 1990; 1-te Aufl., Frankfurt a.M., 1979.
- Ginzburg C.** Mikro-Historie: Zwei oder drei Dinge, die ich von ihr weiss // Historische Anthropologie. Kultur-Gesellschaft-Alltag, 1993, H.2, no.1.
- Ginzburg C. und Poni C.** Was ist Mikrogeschichte? // Geschichtswerkstatt, 1985, no.6, S.48–52.
- Grendi E.** Micro-analisi e storia sociale // Quaderni Storici 1977, T.35, p.506–520.

- Kocka J.** Sozialgeschichte zwischen Struktur und Erfahrung. Die Herausforderung der Alltagsgeschichte. In: J.Kocka. Geschichte und Aufklärung. Göttingen, 1989, S.29–44.
- Koselleck R.** Erfahrungswandel und Methodenwechsel. Eine historisch-anthropologische Skizze. In: C.Meier und J.Rüsen (Hg.). Historische Methode. (Theorie der Geschichte. Beiträge zur Historik 5). München, 1988, S.13–61.
- Kracauer S.** Geschichte – vor den letzten Dingen. In: S.Kracauer. Gesammelte Schriften. Bd.4. Kap.V: Die Struktur des historischen Universums. Frankfurt a.M., 1971. Англ. изд.: History. The Last Things before the Last. New York, 1968.
- Levi G.** Das immaterielle Erbe. Eine bauerliche Welt an der Schwelle zur Moderne. Berlin, 1968.
- Levi G.** On Microhistory. In: P.Burke (Hg.). New Perspectives on Historical Writing. Oxford, 1991, p.93–113.
- Medick H.** "Missionäre im Ruderboot"? Ethnologische Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft, Bd.10, 1984, S.295–319.
- Medick H. (Hg.).** Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte. Frankfurt a.M., 1994a.
- Medick H.** Leben und Überleben in Laichingen vom 17. bis 19. Jahrhundert. Untersuchungen zur Sozial-, Kultur- und Wirtschaftsgeschichte in den Perspektiven einer lokalen Gesellschaft Altwürtembergs. Göttingen, 1994b.
- Meier C.** Notizen zum Verhältnis von Makro- und Mikrogeschichte. In: K.Acham und W.Schulze (Hg.). Teil und Ganzes. Zum Verhältnis von Einzel- und Gesamtanalyse in Geschichts- und Sozialwissenschaften. (Theorie der Geschichte. Beiträge zur Historik 6). München, 1990, S.111–140.
- Queneau R.** Die blauen Blumen. Frankfurt a.M., 1985. Франц. изд.: Le fleurs bleues. Paris, 1965.
- Sabean D.** Property, Production and Family in Neckarhausen 1700 to 1870. Cambridge, 1990.
- Schnyder-Burghartz A.** Alltag und Lebensformen auf die Baseler Landschaft um 1700. Vorindustrielle, ländliche Kultur und Gesellschaft aus mikrohistorischer Perspektive – Bretzwil und das obere Waldenburger Amt von 1690–1750 // Quellen und Forschungen zur Geschichte und Landeskunde des Kantons Basel-Landschaft, (Liestal), 1992, Bd.43.
- Schulze W.** Mikrohistorie versus Makrohistorie? Anmerkungen zu einem aktuellen Thema. In: C.Meier und J.Rüsen (Hg.). Historische Methode. (Theorie der Geschichte. Beiträge zur Historik 5). München, 1988, S.319–341.
- Treitschke H. von.** Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. Bd.3. Leipzig, 1903.
- Sabean D.** Property, Production and Family in Neckarhausen 1700 to 1870. Cambridge, 1990.